

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: РЕФЛЕКСИЯ С ОПОРОЙ НА УЧЕНИЕ Л. П. КАРСАВИНА

А. А. Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт»*

Статтю присвячено орієнтуванню у багатоманітні підходи до особистості як напрямів творчої активності теоретиків. Спираючись на рефлексію Л. П. Карсавіним різноманітних аспектів особистості реальності, висловлених у стосовних до особистості поняттях і визначеннях, можна структурувати загальне поле точок зору, з яких світова наука бачить особистість.

Ключові слова: особистість, творчість, психологія особистості, теорія особистості.

Метафора «дерево психологического знания», описывающая строение психологической науки как целостности, отводит осевую – главную – роль трём психологическим наукам – истории психологии («корням», обеспечивающим связь с прошлым), общей психологии (консервативному «стволу») и психологии личности («верхушке», зоне роста, области инноваций). Именно психология личности – традиционный эпицентр творческой активности учёных-психологов, требующий неустанный теоретико-методологического поиска, а также научной смелости и готовности брать на себя ответственность за совершаемые построения (ибо полностью исчерпывающего эмпирического подтверждения они заведомо не получат).

Развивая далее метафору дерева, построенного из психологических наук, вспомним, что философское дерево, согласно специальным изысканиям К.Г.Юнга, – символ развития. Это развитие ведёт к целостности, гармонии и совершенству; не зря философское дерево и мандала суть соответственно взгляд сбоку и взгляд сверху на одну и ту же развивающуюся к Самости реальность. К символическим образам философского дерева принадлежат рождественская ель и мировой ясень Иггдрасиль, соединяющий царства Асгард, Мидгард и Хель как уровни мироздания. Психологическое знание именно потому удобно представлять в виде дерева, что оно развивается – и развивается к целостности. Как же происходит это развитие?

Статус психологии личности (персонологии) таков, что эта психологическая наука всегда оказывается на переднем крае, в авангарде научного поиска, где особенную ценность обретают исследовательская интуиция и воображение. Верхушка дерева психологического знания подвижна и чувствительна к порывам ветра перемен.

Общая психология, напротив, представляет область здоровой консервативности, стабилизирующую разветвлённую систему психологических наук вокруг ключевых принципов, сообщающих ей стройное единство. В общей психологии, занимающей положение центра иерархии наук, как нигде важны логичность построения и избирательное внимание, умение выделить главное. Ствол дерева психологического знания должен быть в меру гибким и устойчивым, он должен обеспечивать проводящую функцию и функцию надёжного каркаса древесного организма. Без ствола как надёжного иерархического центра, ветвящиеся периферические науки, развивающиеся сообразно текущим запросам социальной практики, уже давно бы обрели полную автономию как разрозненные станции обслуживания некоторых вне-психологических интересов – и стояли бы хилыми деревцами в кадках поликлиник и средних школ, возлежали бы корягами в затейливых икебанах коммерческих компаний, торчали бы засохшими кустами на шлемах маскирующихся пехотинцев.

История психологии, имея своим предметом процесс становления психологического знания, отвечает за преемственность сегодняшних парадигм и концепций; в этой науке как нигде важна память (эрудиция) и способность к рефлексии. Корни укрепляют дерево в почве, не дают ему улететь, как перекачено поле, в ту сторону, куда сильнее подует ветерок моды. Проводящая функция корней соединяет сегодняшних исследователей с зафиксированным почвой опытом и силой множества мёртвых предшественников.

В поступательном процессе роста дерева психологического знания психология личности и история психологии не просто коммуницируют, а выступают в нерасторжимой связке. Любая теория личности ещё в момент своего создания становится фактом истории. История психологии дарует поддержку современ-

никам, готовым к диалогу с минувшими субъектами поиска решения вечных психических проблем, – и встаёт тенями забытых предков над головами любителей изобретать велосипед. История психологии – это длящееся прошлое науки, и это будущее, уготованное текущей научной современности.

Последним штрихом к уточнению метафоры древа психологического знания будет признание его реальной вариативности. Ибо мы можем говорить не только об идеальном – универсальном дереве психологического знания, в каждой части которого предполагается плюрализм методологий и теоретических положений, заданных разными психологическими школами. Универсальное древо существует в разных измерениях, в разных частных редакциях, сообразно тому, какая психологическая традиция его выстраивает в конкретном случае. И эта вариативность психологических школ, заметим, опять-таки составляет необходимый момент творческой оригинальности теоретизации в области психологии личности – и во многом проистекает (и при том взаимообуславливается) из вариативности теоретического понимания личности.

Направления, в которой реализуется творческий поиск теоретиков в области психологии личности, логически вытекают из тех пониманий личности, которые реализуются в даваемых ей определениях.

Общая *проблематика*, к которой обращается данная статья, может быть обозначена как *ориентировка в многообразии теоретических пониманий личности в современной психологической науке*.

К решению этого вопроса ориентировки обращались многие – преимущественно же американские – методологи персонологии: Г.Оллпорт, К.С.Холл и Г.Линдсей, Л.Хьелл и Д.Зиглер, Р.Фрейджер и Дж.Фейдимен, С.Мадди. Чтобы жгато структурировать общее поле точек зрения, с которых мировая наука видит личность, можно использовать широко известный анализ многообразия определений понятия «личность», проведённый Г.Оллпортом [7] и дополненный К.С.Холлом и Г.Линдсеем [9]. В несколько модифицированной нами типологии определений личности Г.Оллпорта, выделяются следующие дихотомии определений: *Социальное / Индивидуальное, Собирательное / Интегрирующее, Типичное / Уникальное, Сущностное / Эмпирическое*).

Автор одного из американских учебников по теориям личности С.Мадди, демонстрируя весьма *тенденциозный* подход к освещению теорий личности, предпринимает «сравнительный анализ» теорий в предлагаемых им единых координатах (разделение личности на общее для всех людей *ядро* и индивидуально-типическую *периферию* с последующим дроб-

лением теорий, их объясняющих, сообразно моделям *конфликта, самореализации и согласованности*). Чтобы охватить в единой модели все (или почти все) теории, учёный предлагает весьма размытое определение личности: *«Личность – это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений (мыслей, чувств и действий), которые обладают устойчивостью во времени и могут или же не могут быть объяснены только через анализ социальных и биологических факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека»* [5]. Хотя С.Мадди и заявляет о себе как ученик Г.Мюррея и Г.Оллпорта – но его способ презентации существующего диалога персонологических точек зрения существенно сциентистский по духу. Применение им *сравнительно-аналитического метода* изложения теорий других авторов вычищает из них всё самобытное, делает их, прямо скажем, неузнаваемыми и однотипными в своей обезличенности (так что порицаемый им «доброжелательно-эклктивный» стиль изложения других учебников¹ нам хочется поощрять как проявление доброй воли). Нам представляется, что во взгляде С.Мадди на сосуществование теорий личности уж слишком гипертрофирована идея борьбы теорий за выживание – вплоть до попыток реализации девиза соперников Дункана Маклауда из сериала «Горец»: *«должен остаться только один!»*. Не надеясь на эксперимент как средство «зачистки» и унификации, он предлагает для этой цели «сравнительный анализ»; и что же: на первом же «кастинге» он исключает из рассмотрения две теории: К.Левина и К.Г.Юнга, на том якобы основании, что обе они сейчас непопулярны (субъективистское по самой своей сути основание, да и очевидно нерепрезентативное к тому же). Если эти теории не укладываются в схему анализа С.Мадди, то здесь, по-видимому, дело не в их качестве (тем более не в популярности), а в том, что схема – не универсальна.

Задачи нашей статьи вытекают из неуниверсальности приведенных американских систем ориентации в многообразии теоретических подходов к личности. Они состоят:

1) в обосновании важности и возможности построения такой системы ориентировки в мировом многообразии теоретических подходов к личности, которая бы учитывала не только западный, но и отечественный опыт теоретизации;

¹ К этому якобы изжившему себя стилю С.Мадди причисляет известный учебник по теориям личности К.С.Холла и Г.Линдсея [9], к нему же, определённно, принадлежат учебники Л.Хьелла и Д.Зиглера [10], Р. Фрейджера и Дж.Фейдимена [8], – а также и наш курс лекций по зарубежным теориям [1].

2) в утверждении системы ориентировки в мировом многообразии теоретических подходов к личности, которая бы сама опиралась на отечественный опыт теоретизации в области психологии личности.

3) в предложении конкретного варианта системы ориентировки в мировом многообразии теоретических подходов к личности, опирающегося на учение о личности Л.П.Карсавина.

Вопрос учёта отечественного опыта теоретизации при построении моделей всемирного развития психологии личности сегодня, как никогда, актуален. Отечественные теории личности традиционно не попадают в зарубежные учебники – по разным причинам. Советские теории не попадают именно потому, что они – советские теории. Досоветские – не отвечают требованиям, выставленным западной наукой к научным теориям, ведь это всё метафизические теории, не проверенные ни экспериментально, ни клинически. Да и то сказать: как это было давно! Кому на модном Западе нужен наш позавчерашний день? Современные же теории не попадают по причине не обретенного ими покуда международно-го веса, отчасти же – поскольку опираются на теории советские и не представляют по отношению к ним кардинально нового шага. Ну, и авторы теорий, желающие быть принятыми на Западе, должны себя как-то перед западными коллегами зарекомендовать; а для этого им предписано пройти обязательную хирургическую операцию по социальному перевоплощению – из жалкого «совка» в блистательного «амерюка» (в ходе которой и вырезается-то всё отечественное)².

Раз в зарубежные учебники отечественные теории личности не попадают, то логично было бы искать эти теории в отечественных учебниках: казалось бы, откроешь любой наугад, и предложат тебе весь ассортимент, не нашедший сбыта на западе. Но вот странно: и в современных отечественных учебниках отечественные же теории личности так потеснены зарубежными, что – почти не встречаются! А если и встречаются, то весьма часто – в навязанной извне роли: служить оттенению высочайших достоинств теорий западных. Таково положение не одних лишь психологических теорий, но многих отечественных культурных продуктов, создаваемых без учёта конкуренции на мировых капиталистических рынках.

Студенты младших курсов, либо далёких от психологии специальностей, не имея *внут-*

ренних критериев для оценки качества тех или иных теоретических продуктов, иной раз спрашивают: известен ли такой-то отечественный теоретик за рубежом. Этим вопросом они надеются обрести *внешний* (рыночный) критерий; дескать, раз уж и *там* знают такого-то субъекта с подозрительно славянской фамилией, то, быть может, и моего внимания его наследие достойно. А коли не знают, что же вы нас потчуете провинциальными теориями, не прошедшими посвящения в мировые и модные? Уж лучше покажите нам что-то присланное из-за океана, что-то «объективно» ценное, наконец-то прогрызшее и наш железный занавес. Потом студенты взрослеют, наивные вопросы задавать перестают, но паттерны избирательного внимания – преимущественно к зарубежным теориям – сохраняют. Эти паттерны поддерживаются в условиях доминирования общей прозападной ориентации отечественной интеллигенции.

Живой интерес к *отечественным* традициям в психологии сегодня более элитарен, чем интерес к традициям импортным, и связан как с *консервативной* тенденцией (сохранить *status quo* советской психологии), так и с *реконструктивной* (вернуть и восстановить всё утраченное, понять непонятое). Условных «консерваторов» ныне весьма меньше, чем «импортёров», но куда больше, чем «реставраторов». На руинах нашего общего большого отечества, по-видимому, лишь в Российской Федерации отечественные теории – но почти единственно советского периода – остаются по-настоящему широко востребованными и охраняются учёными-консерваторами в прежнем высоком статусе (поскольку принадлежат предтечам, основателям и представителям ныне здравствующих и покуда влиятельных психологических школ). В «отечествах» же помельче, занятых самоутверждением и обретением альтернативного самосознания, по нашему впечатлению, сильнее выражен формальный плюрализм научных мнений и якобы свободная конкуренция теорий, – в которой, кстати, у молодых учёных зарубежные теории-монополисты имеют идеологически установленную фору, а на весь ряд отечественных исподтишка ставится клеймо советского мракобесия. Такая ситуация свободы *удобна для отечественных учёных* (они и впрямь свободны в выборе, куда приложить свою научную силу), но она же и *разрушительна для отечественной науки* (которая постепенно обретает черты «вторичности» по отношению к западным традициям).

Говоря о *многообразии пониманий личности*, есть смысл иметь в виду три ключевых вопроса. Что есть личность? А что есть отечество? И зависит ли ответ на первый вопрос от ответа на второй? Вполне очевидно, что научные подходы к личности, точки зрения на её

² В образе такой деструктивной «операции» мы выражаем своё отношение к любой внешне (социально) предписанной трансформации человека, например в «учёного-марксиста», в прозападного «демократа», в «широкого патриота» любого вновь образованного государства, в «независимого» тележурналиста. Центральный процесс упомянутой операции может быть представлен почти чеховской метафорой: это и «выдавливание» (вытеснение) из себя «Безответного раба», но и «вдавливание» (интроецирование, идентификация, вмещение) на его место «Наглого лакея». Почему же не «Свободного человека»? Да ведёт он себя иначе!

реальность, складывающиеся в контексте той или иной социокультурной общности, разнятся. Каково отечество, таковы подходы к личности. Обратная зависимость – характера отечества от определения личности – также актуальна: не зря М.К.Мамардашвили поэтически определял личность как «шпиона неведомого отечества», подразумевая в ней независимость подлинно личностного достоинства от текущих государственных, социальных и пр. рамок, а также возможность отстроиться от любого дегуманизирующего момента государственной идеологии и общественного мнения. Не любить гильотин французской революции и лагерей смерти третьего рейха, не оправдывать насилие, которое кроется в революционном терроре диктатуры пролетариата, либо даже во внешне безобидном, но дискриминационном «законе про мову». Ведь «подведение идеи под грех» – это и есть продажа души дьяволу [6].

В той мере, в которой личность не приватизирована никаким отечеством, в её понимании можно обнаружить некоторые общие тенденции, которые (раз уж они общие) мы вкратце воспроизведём по своей же книге о зарубежных теориях личности: «Русское «личность» произошло от древнеславянского «личина» (маска); английское «personality» – от лат. «persona» (маска). Таким образом, в этимологии самого понятия личности (причём в разных индоевропейских языках) в качестве основного значения предстаёт *социальное лицо* человека. Но этим очевидным значением данное понятие не исчерпывается. Второй аспект личности – *совокупность наиболее ярких черт индивидуальности* – проступает как рисунок, грим на этом социальном лице. Третий – *единство индивидуальной психики* – как внутренний мир, через это лицо выражающийся» [1, 5].

В *английском обыденном словоупотреблении* (оправданно – под свою аудиторию – выпячиваемом американскими учебниками по теориям личности) третий из названных аспектов никак не представлен; под личностью, как правило, подразумевается одно из двух:

- Личность как умелость или ловкость (оценивается по эффективности, с которой человек добивается позитивных реакций от других в различных обстоятельствах).

- Личность как впечатление, которое индивид производит на окружающих.

В *русском обыденном словоупотреблении* слово «личность» ныне также используют с уважительным оттенком социальной значимости («известная личность», «великая личность», «значительная личность»), хотя в XIX столетии данное слово было скорее ругательным (рудимент чего слышится в выражении «переходить на личности»).

В XIX столетии, как можно заметить по словарю В.Даля, носители живого великорусского языка отличали «личность» от «лица». «Лицу» – т.е. «самостоятельному, отдельному существу», представляющему тот *духовный космос*³, который позитивно соотносился с православным миропониманием, противопоставлялась «личность» именно как карикатурная языческая «личина», закрывающая или искажающая подлинное лицо человека. Но это отнюдь не исходная версия отношения к маске. Изнутри язычества она означалась иначе; в *языческих* празднествах до- и раннехристианской поры она носила подлинно *священный характер*.

Лидер и идеолог символизма Вяч.Иванов отмечал: «Маска, как сознательная фикция или как «маска» в новейшем значении этого слова, т.е. как средство утаить действительное лицо и тем обусловить возможность всякого рода смешений и забавных ошибок, – есть результат извращения и профанации древнего священного лицедейства» [3, 76]. Конкретная роль «личины» в античных лицедействах понималась Вяч.Ивановым так: «Маска первоначально – культовое обозначение вселенского закона превращений, «метаморфозы» и «палингенезиса». Дионис является в космических личинах, и служители его вступают с ним в общение не иначе, как в личинах. Но культовая личина есть подлинная религиозная сущность, и надевший маску поистине отождествляется, в собственном и мирском сознании, с существом, чей образ он себе присвоил. Таков изначальный, мифологический смысл маски» [3, 76].

В славянской языческой культуре – точно так же, «надевая маску, человек-индивид отождествлялся с некоторой надындивидуальной силой (божеством, животным, духом предка), символически превращался в неё. Именно в этих актах отождествления можно найти первоисточник того присутствия на лице человека духовных даров, которое было зарегистрировано словарём В.Даля. Но *христианское* переосмысление «поганских» праздничных обрядов с ряжеными – как бесовских игрищ – привело к закреплению за «личиною» того хаотического аспекта, который принадлежит к миру «изнанки» [1, 7].

К XX веку «изнаночное», «левое», «теневое» в личности перестало рефлексироваться в обыденном словоупотреблении, видимо, в связи с понижением социального статуса религиозности. На место *богословских* координат определения личности подставляются измерения *социальной значимости*, социаль-

³ *Лицо человека* – «представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разумные, разумное созерцание; уши – понимание и послушание; нос – постижение добра; щеки – постижение духовных истин; рот – мысль и ученье; губы – духовная хвала; борода – внешность ученья» [2, с.258].

ного успеха, эффективности. Происходит это и на Западе, и у нас. В мировой науке «универсальная» (на самом деле западная) система координат в понимании личности, ориентированная на внешние достижения, уплощающая личность до повернутой к социальному миру «персоны» (К.Г.Юнг), возоблудала бы безраздельно, если бы глубинная психология не вернула личности вытесненные было ею «теневые» аспекты. В психологии отечественной уплощение понимания личности до социальной плоскости также имело место (только личность рассматривалась не столько как самодовольный носитель социального статуса, сколько как несамостоятельный агент общественных отношений).

Отечественная рефлексия на ту же самую тему соотношения «персоны» и «тени», которую описал К.Г.Юнг, была дана в «теневой», «вытесненной» в запрещённое прошлое *метафизической традиции*, в частности, Л.П.Карсавиным. Правда, в отличие от К.Г.Юнга, он противопоставил «персоне» («личине», «харе», «об-личию», т.е. несовершенному и неподлинному в личности) не «тень», а «лик» (с которым связывается понимание личности как единства множества – «симфонической личности», а также представление о личности совершенной, об истинном, подлинном начале в ней). Мерцающий характер «персоны», уловленный и К.Г.Юнгом, указавшим на её содержательную соотносительность с «тенью» в процессах бессознательной регуляции психики, в подходе Л.П.Карсавина обретает ещё большую выраженность, ведь у него «персона» – это, строго говоря, и есть «тень», противостоящая подлинному «лику».

Поскольку, на наш взгляд, именно карсавинская рефлексия различных аспектов личностной реальности, выраженных в относимых к личности понятиях и определениях, наиболее точна и удобна, мы считаем возможным опереться на неё, чтобы в дальнейшем сжато структурировать то общее поле точек зрения, с которых мировая наука видит личность (в книге, посвящённой западным теориям личности, мы в этом качестве использовали анализ многообразия определений понятия «личность», проведённый Г.Оллпортом).

Сама «личность», по Л.П.Карсавину, определяется как «конкретно-духовное существо», единство многих «моментов», «аспектов», «ликов», «образов». Производные от «личности» понятия от-личный, раз-личение содержат оценку личного и не-личного бытия: за личность признаётся преимущественное значение. Понятия же «о-пределение», «рас-пределение», применяемые в отношении личности, искажают относящееся к ней, поскольку в них присутствует неустранимый пространственно-вещный характер. «Личность познаваема и определима, т.е. от-личима от всего,

что не является ею, только по своим временно-пространственным проявлениям... Но личность не простая совокупность разъединённых моментов. Она – их единство во «всём её времени» и «всём её пространстве» и, следовательно, *единство множества* или многоединство, в идеале же и совершенстве же своих – всеединство» [4, 20]. Личность духовна: «Синоним единства – дух. Единство личности не что иное как её духовность. Напротив, *множественность* личности, её делимость, определимость и определённости, не что иное, как её телесность. Личность не тело, не дух, и не дух и тело, но *духовно-телесное* существо. Она не «частью духовна, а частью телесна», ибо дух не участвует и не может быть частью. Личность, которая есть дух, есть и тело» [4, 20]. Как телесная, личность есть данность, необходимость, как духовная же – свобода. «Так единство-свобода-духовность – её онтическое начало и конец, а множество-необходимость-телесность – её онтическая середина» [4, 21].

На определение личности ориентированы также следующие понятия:

- «вид» – выражение внешнего облика личности, видимое соединение подлинного и неподлинного в ней;
- «аспект» – нечто более стойкое, чем вид, и существенно личное;
- «лицо» – лежащее в основе вида субстанциальное начало – первичное, существенное, относительно постоянное и (в применении к человеку) своеобразное, неповторимое;
- «моменты» – проявления, выражения лица;
- «лик» – личность как единство множества («симфонии»), подлинное в ней (в плане подлинности «лик» близок к «аспекту»), совершенное (в плане же Божественного совершенства «лик» близок «ипостаси»);
- «личина» – неподлинное в личности («харя», «персона»);
- «ипостась» – Божественный лик личности.

Все эти понятия весьма различно представляют личность. «Вид» как выражение облика личности – понятие, в котором нечто целостное, объединённое, существенное, не отличено от несущественного, преходящего, от субъективного состояния зрителя, «видящего» этот вид. «Лицо» – нечто, «лежащее за видом», находящееся в основе его; нечто первичное, существенное, относительно постоянное и (в применении к человеку) своеобразное, неповторимое. Лицо предмета соответствует его субстанции (постоянству, сущностному самоощущению), вид же – акциден-

ции (изменчивому, преходящему)⁴. Прилагательное «личный» относит к лицу «всё множество его «проявлений», «осуществлений», выражений, или – чтобы воспользоваться наименее обязывающим термином – «моментов» [4, с.19]. Вне множества этих моментов личности (одновременных и различных во времени) нет и не может быть личности.

Понятие «личность» менее всех других ограничено телесностью. Личность – «конкретно-духовное или ... телесно-духовное существо, определённое, неповторимо-своеобразное и многовидное» [4, 9].

Следует заметить, что Л. П. Карсавину принадлежит собственная оригинальная теория личности (её можно назвать «симфонической»), которая, в числе множества других отечественных метафизических теорий личности, остаётся неизвестной большинству современных психологов. В наши задачи не входит её презентация, но основные её идеи считаем нужным упомянуть. При описании личности для Л. П. Карсавина основными становятся принципы *всеединства* и *триединства*. *Всеединство* характеризует *реальность в статике*, как пребывание. (многоединство личности – единство многообразия; всеединство совершенной личности – единство всего). *Триединство* же – принцип *динамики, становления, изменения реальности*, указующий на три взаимно упорядоченные ступени, обладающие единой сущностью.

Структура личности в системе Л. П. Карсавина раскрывается прежде всего в иерархии личностей от *Божественной* через *симфонические* (объединения личности с инобытием, т.е. миры как единства многообразия) и *социальные до индивидуальные*; в индивидуальных же личностях – в единстве их моментов (аспектов и качествований). *Динамика личности* в учении Л. П. Карсавина раскрывается как онтологическая динамика Бога и твари, суть которой в троичности, в триединстве ипостасей⁵. Положение о единственности и недробимости бытия понимается философом радикально: Бог и человек исключают друг друга. Бог, наделяя тварь бытием, сам отказывается от бытия; в той мере, в которой *есть* тварь, обращается в небытие Бог.

Теперь обратимся к применению карсавинской рефлексии различных *аспектов личностной реальности*, выраженных в *относительных к личности понятиях и определениях*

(«*вид*», «*личина*», «*лик*», «*лицо*», «*моменты*», «*аспекты*» «*ипостась*»), к проблеме ориентировки в мировых теоретических пониманиях личности – как направлениях научного творчества теоретиков.

Можно заметить, что в различных подходах к личности в мировой психологии выходят на первый план разные понятия, через которые она определяется.

Так, *естественнонаучно-ориентированный* (позитивистский и вульгарноматериалистический) *подход*, существующий как в бихевиористско-рефлексологическом (Б.Скиннер, В.М.Бехтерев), так и в конституционально-типологическом (Э. Кречмер, У. Шелдон, П. Б. Ганнушкин) и даже в физиогномическом (И. А. Сикорский) вариантах эксплуатирует понятие «*вида*».

Диспозиционный подход в факторной своей версии (Р. Кеттел, Г. Айзенк, Б. И. Цуканов) пытается восходить от «*вида*» к «*аспекту*», но, возлагая свои надежды и ответственность на «*магию*» всеильного факторного анализа, обманывается видимостями, изучает «*личины*».

Социально-центрированный подход в знаковой (Л. С. Выготский) и деятельностной (А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев и др.) версиях также ориентирован на познание «*личин*».

Психодинамический подход в психоаналитической версии (З. Фрейд, М. Кляйн, Ж. Лакан, И. Д. Ермаков) имеет дело преимущественно с «*моментами*», в индивидуально-психологической (А. Адлер) – скорее, к «*личинам*», в аналитико-психологической и психосинтетической (К. Г. Юнг, Р. Ассаджиоли) – восходит от «*личин*» к «*аспектам*» и в пределе устремляется к «*лику*».

В *феноменологическом подходе* (представленном Ф. Перлзом, К. Роджерсом, А. Роше, Ф. Е. Васильюком, Т. М. Титаренко) и в *ролевом* (Э. Берн, Я. Л. Морено, П. П. Горностай) акцентированы «*моменты*» и «*аспекты*».

В *экзистенциальном подходе* (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Мэй, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Р. Лэйнг) – изучается «*лицо*».

Субъектно-деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. А. Роменец, Е. Б. Старовойтенко, В. А. Татенко) работает с «*аспектами*».

Онтологический подход в различных своих версиях (С. Л. Франк, С. Л. Рубинштейн, И. П. Манюха) работает с «*лицом*».

Метафизический подход в персоналистической версии (Л. М. Лопатин, Г. И. Челпанов, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, Н. О. Лосский) изучает «*лицо*», а в версии философии всеединства (П. Д. Юркевич, В. С. Соловьёв, кн. С. Н. и Е. Н. Трубец-

⁴ В платоновском учении об эйдосах Л.П.Карсавиным усматривается «роковая роль субстанциализирования вида» [4, с.18].

⁵ Динамичность в связи с принципом троичности подчёркивается и К.Г.Юнгом. В его исследованиях догмата о Троице, а также символики мандалы, троица (в отличие от внутренне стабильной четверицы) представляет динамичное, проблемное равновесие (так, о манифестации проблемы, затрагивающей целостность личности, свидетельствуют трёхчастные мандалы в изобразительном творчестве клиентов). Учитывая, что личность по Л.П.Карсавину во многом понимается в характеристиках архетипа Самости по К.Г.Юнгу (единство-множественность, божественность), о таком совпадении воззрений можно говорить как о закономерном и внутренне необходимом.

кие, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин) – «лик» и «ипостась».

Таким образом, нами показано, что направления, в которой реализуется творческий поиск теоретиков в области психологии личности, логически вытекают из тех пониманий личности, которые реализуются в даваемых ей определениях.

Также показано, что для структурирования общего поля точек зрения, с которых мировая наука видит личность, помимо далёких от универсальности западных версий анализа многообразия определений понятия «личность» (Г.Оллпорта и др.), можно использовать отечественные наработки, сложившиеся в метафизической традиции психологической мысли, и в частности, *симфоническое учение о личности* Л.П.Карсавина. Это учение даёт принципиально иные, сравнительно с распространёнными в современной науке, основания

для выделения направлений теоретизации в психологии личности, причём, на наш взгляд, карсавинская рефлексия различных *аспектов личностной реальности*, выраженных в *относимых к личности понятиях и определениях*, более точна и удобна.

Приведенный выше набор соответствий между подходами к личности и карсавинскими понятиями, определяющими личностную реальность, не претендует на точность и верность в деталях; мы осознаём, что произведенная прикидка – весьма примерна. Единственная функция, которая нами на это «разделение сфер внимания» между существующими подходами к личности возлагается, – это указание на *многообразие подходов к личности* в психологии, снабжённое простейшими *ориентирами*, чтобы в этом многообразии не заблудиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бреусенко-Кузнецов А. А.* Теории личности: зарубежный опыт теоретизации [курс лекций] / А. А. Бреусенко-Кузнецов. – К.: Миллениум, 2008. – 442 с.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль – Т.2. – И-О. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 784 с.
3. *Иванов В. И.* Родное и вселенское / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
4. *Карсавин Л.П.* Религиозно-философские сочинения / Л. П. Карсавин. – Т.1. – М.: Ренессанс, 1992. – 325 с.
5. *Мадди С.* Теории личности: сравнительный анализ / С. Мадди. – СПб.: Издательство «Речь», 2002. – 294 с.
6. *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. М.Пруст. «В поисках утраченного времени» / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – 572 с.
7. *Оллпорт Г. В.* Личность в психологии / Г. В. Оллпорт. – СПб.: Ленато, 1998. – 345 с.
8. *Холл К. С., Линдсей Г.* Теории личности / К. С.Холл, Г. Линдсей. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 592 с.
9. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
10. *Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 704 с.

Стаття надійшла до редакції 20.05.2009 р.